УДК 930. 2

ТЮРКСКАЯ РУНИЧЕСКАЯ НАДПИСЬ ИЗ ЛЕСОСТЕПНОЙ ХАЗАРИИ

© 2014 г. В.В. Колода

Статья посвящена введению в научный оборот рунической надписи, сделанной в технике граффити на диске из цветного металла, который был найден в разрушенном кремационном погребении близ пос. Эсхар в Змиевском районе Харьковской области. Надпись содержит 34 знака, большинство из которых относятся к донской разновидности средневековых тюркских алфавитов евразийских степей. Надпись датируется временем существования салтовской археологической культуры в лесостепной зоне Северского Донца – серединой VIII–IX вв.

Ключевые слова: евразийская степь, Северский Донец, раннее средневековье, салтовская археологическая культура, тюркские руны.

Тюркское руническое письмо – одна из важнейших культурных составляющих раннесредневекового мира кочевых и полукочевых народов Евразии. Этот феномен находится в сфере постоянного внимания не одного поколения исследователей, что выражается, прежде всего, в сборе информации (фиксации отдельных знаков и текстов), их атрибуции и попытках прочтения. Исходя из этого, введение в научный оборот новых памятников тюркской письменности является важной задачей по накоплению корпуса источников, что в дальнейшем, надеемся, станет (после дешифровки) базой для углубленного понимания социально-экономических и этнополитических процессов у народов евразийских степей и их соседей.

Данная работа посвящена публикации текста, выполненного рунами в стиле граффити на предмете из цветного металла. Находка выявлена на расстоянии около 1 км к западу от пгт. Эсхар Харьковской обл. в Украине (рис. 1). По сообщениям находчиков, обломки предмета обнаружены металлоискателем в отвалах уже разграбленного грунтового кремационного погребения, каких известно немало в девственных лесных окрестностях к юго-востоку от поселка. Каких-либо сопутствующих материалов, кроме редких мелко фрагментированных кальцинированных косточек и крошек древесного угля, не выявлено, что несколько затрудняет культурно-хронологическую интерпретацию рассматриваемой находки. И все же с большой долей вероятности мы склоняемся к мысли, что ее следует отнести к кругу древностей салтово-маяцкой археологической культуры (далее СМК). Прямые доказательства будут изложены при анализе надписи. Однако предварительно заметим, что находка выявлена в довольно густо заселенном районе салтовской

лесостепи между городищами Кабаново и Мохнач (рис. 1: 1). Каждое из них является центром самостоятельного микрорегиона (гнездо поселений) (Горбаненко, Колода, 201, с. 23, рис. 5; Свистун, 2006, рис. 1; 2013, с. 107–116). Косвенными доказательствами отнесения комплекса и самой находки к кругу древностей СМК могут быть и следы погребального обряда.

Предмет представлял собой остатки округлой тонкой (≈0,1 см) пластины из медесодержащего сплава диаметром ≈8,5 см.[1] От него сохранилось 3 разновеликих фрагмента, которые по изломам частично подходили друг к другу (рис. 2). На краю предмета выявлено аккуратно сделанное круглое отверстие (диам. ≈0,2 см). Это позволяет предположить, что артефакт относится к категории нашивных, скорее всего, нагрудных украшений. Все графические знаки расположены на одной стороне. Визуальные наблюдения свидетельствуют о некоторой потертости диска, что, однако, не мешает выделить линии и знаки, преднамеренно нанесенные острым предметом с разной силой нажатия. По месту нанесения их можно разделить на те, что расположены в центральном поле, и те, что нанесены по дуге на краю изделия.

Граффити центральной части (рис. 2) в своем большинстве представляют собою условно прямые неглубокие одиночные линии различной длины и направленности, в одном случае можно говорить о двух условно параллельных линиях. В случае выявления таких линий на монетах, исследователи трактуют их чаще всего как метки для разрезания изделия (Арендарь, Мельникова, 1995, с. 16, рис. 1: 6, 7, 17 4; Добровольский, Дубов, Кузьменко, 1991, с. 126–127, рис. 52; Колода, Лебедев, Енуков, 2014, с. 18, приложение 1, илл. 4–13). Однако в данном случае мы такую интерпретацию отрицаем. Причина этого в том, что метки для разрезания монет, как правило, составляют значительную часть их диаметра и начинаются обычно от края (для удобства резания). На изделии из Эсхара мы этого не прослеживаем. И в целом какая-либо интерпретация этих линий в данный момент крайне затруднительна.

Наряду с хаотично прочерченными линиями в центральной части (ближе к отверстию) есть 2 знака диаметрами до 0,5 см. Один из них представляет собою дугу с небольшим прямым отростком с одной стороны (рис. 2 а), второй – дугу с хордой, с одним разомкнутым краем (рис. 2 б).

Первый упомянутый знак имеет близкие по начертанию аналогии в исключительных случаях. Как самостоятельный он встречен на дирхеме в комплексе (не ранее 805 г.) на ст. Петергоф Ленинградской обл. (1941 г.) – (Добровольский, Дубов, Кузьменко, 1991, с. 140, каталог граффити, № 89 на с. 168).[2] Как первый в надписи из 6 знаков (скорее всего, подражание восточной) он известен на восточной монете, что была найде-

1 В данный момент предмет находится в частной коллекции. В наше распоряжение были предоставлены лишь многочисленные фотографии как отдельных его фрагментов, так и частично реставрированного изделия.

2 Публикаторами комплекса высказано мнение, что сопоставим с буквой "кяф" арабского алфавита (Мельникова Е.А., Никитин А.Б., Фомин А.В., 1984, с. 35).

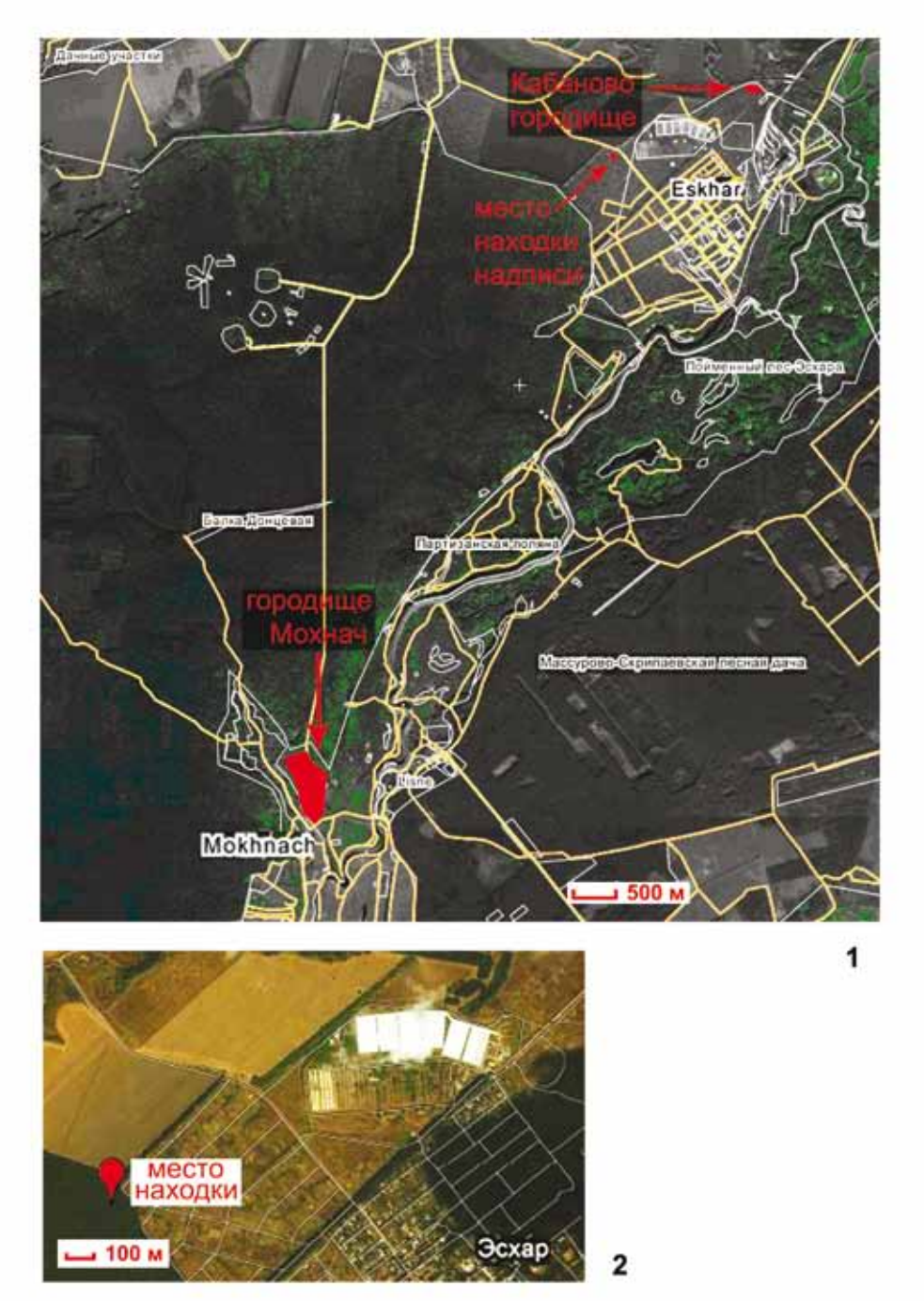


Рис. 1. Местоположение находки с рунический надписью: 1 – место находки в системе салтово-маяцких городищ, 2 – окраины пгт. Эсхар с местом находки (детально).

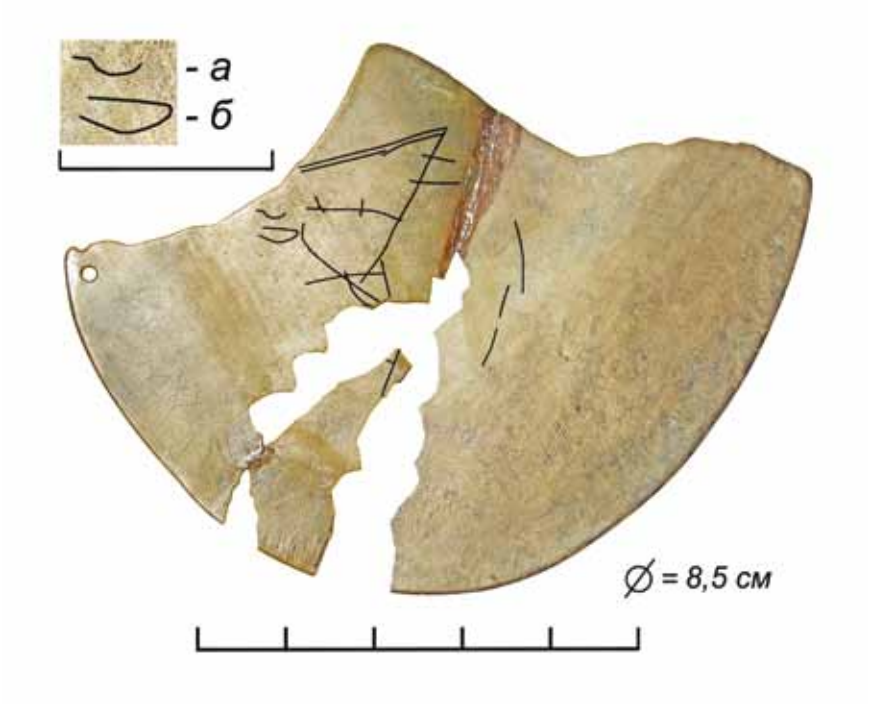


Рис. 2. Фрагментированные находки пластины с надписью (общий вид) с выделением граффити на центральном поле.

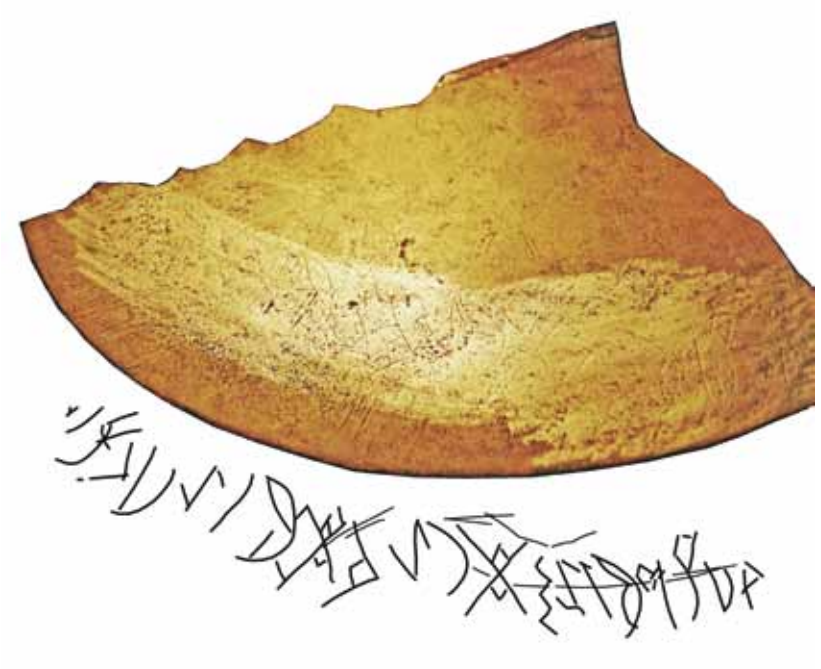


Рис. 3. Фрагмент № 1 с надписью.

на в Новгороде (не ранее 865 г.) (Добровольский, Дубов, Кузьменко, 1991, с. 139, каталог граффити, № 75 на с. 167). Аналогичный знак изображен в составе графической композиции на одной из арабских монет комплекса середины X в., что выявлен в с. Козьянки в Витебской обл. Беларуси (Добровольский, Дубов, Кузьменко, 1991, с. 138, каталог граффити, № 63 на с. 167). Близкий знак – дуга с дополнительной прямой короткой линией (но уже – наружу от центра) известен на куфическом дирхеме одного из каталогов граффити (Нахапетян, Фомин, 1994, рис. 20: 394). По нашему мнению, данное граффити вполне возможно соотнести со знаком № 42 евразийских и азиатских рунических алфавитов (Кызласов И.Л., 1994, с. 71, табл. XXIII) в качестве одного из аллографов.[3]

Второй знак (рис. 2: б) имеет практическое тождество с граффити на одном из дирхемов 806/807 гг. неизвестного происхождения, который хранится в систематической коллекции отдела нумизматики Государственного Эрмитажа под № 376 (Добровольский, Дубов, Кузьменко, 1991, с. 143, каталог граффити, № 141 на с. 171). Близкие по начертанию знаки известны также на иных арабских монетах: в безлюдовском кладе третьей четверти X в. (Колода, Лебедев, Енуков, 2014, с. 28, приложение 1, илл. 6: 388), монета из комплекса (не ранее 865 г.), выявленная близ с. Большое Тимерево 376 (Добровольский, Дубов, Кузьменко, 1991, с. 136, каталог граффити, № 22 на с. 165). Допускаем, что это граффити можно соотнести со знаком № 36 большинства евразийских и всех азиатских рунических алфавитов (Кызласов И.Л., 1994, с. 70, табл. XXIII). Единственное (возможно, что лишь аллографическое) отличие нашего знака состоит в том, что у него с одной из сторон дуга и хорда не соединены.

Судя по начертанию рунических знаков, текст был нанесен таким образом, чтобы его можно было читать, располагая предмет краем вниз. Исходя из того, что тюркские руны читаются справа налево, мы условно пронумеровали фрагменты пластины: № 1 – тот, что имеет наибольшую дугу и наибольшее количество знаков (рис. 3), № 2 – наименьший и № 3 – тот, что с отверстием (рис. 4). Надпись, скорее всего, представляла собою связный текст, однако мы не можем утверждать, что до нас надпись дошла целиком. Более того, имеющиеся лакуны в сохранившейся части диска позволяют предположить и частичную утрату имеющегося отрывка текста, особенно между фрагментами № 1 и № 2 (рис. 2). Судя по размерам надписи, в этой лакуне могли быть еще 2–3 знака. Скорее всего, утрачен знак между фрагментами № 2 и № 3. Отметим также, что отсутствие возможности работать непосредственно с находкой “вживую”, не позволяет уверенно утверждать, одним ли автором сделана надпись и одним ли инструментом. Наблюдение над имеющимися фотоматериалами позволяет сделать лишь предположение, что знаки на фрагментах № 2 и 3 имеют несколько большую глубину и ширину в сравнении с фрагментом № 1.

3 Дополнительная прямая на конце дуги могла быть и своеобразным "отпятнышем", по терминологии Л.Р., Кызласова (1960, с. 106–107; 1965, с. 44–45), что могло придавать знаку новый смысловой оттенок .

Исходя из анализа изображения, можно говорить о том, что первый фрагмент (с наибольшей дугой) содержал как минимум 21 знак, второй фрагмент – 4 знака, третий – минимум 8 (рис. 3–5)[4]. Заметим, что в левой части первого фрагмента (близ лакуны) прослеживаются V-образные остатки еще одного знака, выпавшего вместе с частью диска. Таким образом, можно говорить о 34 знаках. Обратим также внимание: на «повреждении» текста на фрагменте 1 – отчетливо читаются 2 сопряженные ломаные линии над знаками № 7–10, прослеживается двойная линия, перечеркивающая 13-й знак, начальная (правая часть) текста имеет черту, которая «перечеркивает» часть текста из 9 знаков. Если первые два повреждения мы затрудняемся интерпретировать, то явное перечеркивание части текста связано, по нашему мнению, с изменением смысловой нагрузки текста в целом, что, однако, станет ясно лишь при дешифровке самого текста.

Для выяснения вопросов происхождения надписи считаем необходимым сравнить ее знаки с известными рунических алфавитами Евразии, для чего воспользуемся таблицей известных евразийских и азиатских рунических алфавитов (Кызласов, 1994, с. 69–72, табл. XXIII). Всего из 34 знаков надписи из Эсхара идентифицируются 26 (рис. 5: 2, таблица). Наибольшее число знаков (24) совпадает с донским письмом, что составляет 92,3% всех знаков. Наиболее близкое ему кубанское письмо имеет несколько меньшее сходство– 21 знак (80,1%). Южноенисейский, ачикташский и исфаринский алфавиты имеют еще меньшее сходство. Формально, по номинальным знакам тюркских алфавитов, надпись из Эсхара имеет довольно значительное сходство с группой азиатских алфавитов – 21–22 знака (80,1–84,6%). Однако начертание пяти знаков (№№ 3, 4, 13, 19 и 24) имеют иное начертание, чем аналогичные знаки евразийских алфавитов, аллографически отличающиеся по направленности элементов или присутствию дополнительных черт. Исключив эти знаки, мы получаем более низкое сходство текста нашей находки с азиатскими алфавитами – 16–17 знаков из 26, что составляет 61,5–65,4%.

Большинство идентифицированных знаков эсхаровского текста полностью соотносятся с известными рунических алфавитами евразийских степей (рис. 5: 2, таблица). Однако есть и исключения в виде дополнительных черт. Так, наши знаки № 3 и 20, которые уверенно ассоциируются с известной руной № 50 (Кызласов, 1994, с. 71, табл. XXIII), имеют косую дополнительную линию. Эсхаровский знак № 14, несмотря на то, что имеет сходства с рунами № 2, 38 и 53 известных рунических алфавитов (Кызласов, 1994, с. 69–71, табл. XXIII), все же имеет отличия с ними как по количеству дополнительных концевых отростков, так и по их направленности. Наш знак № 25 подобен известной руне № 28 (Кызласов, 1994, с. 70, табл. XXIII), до дополнен косой линией слева снизу. Все эти отличия могут свидетельствовать о том, что это аллографы уже известных упомянутых тюркских рун, но могут и придавать какой-либо дополнительный смысл, понятный читателю того времени, но пока не известный науке.

4 Считаем необходимым выразить признательность И.Л. Кызласову за советы, высказанные им в личной переписке.



Рис. 4. Фрагменты № 2 и № 1 с надписью.

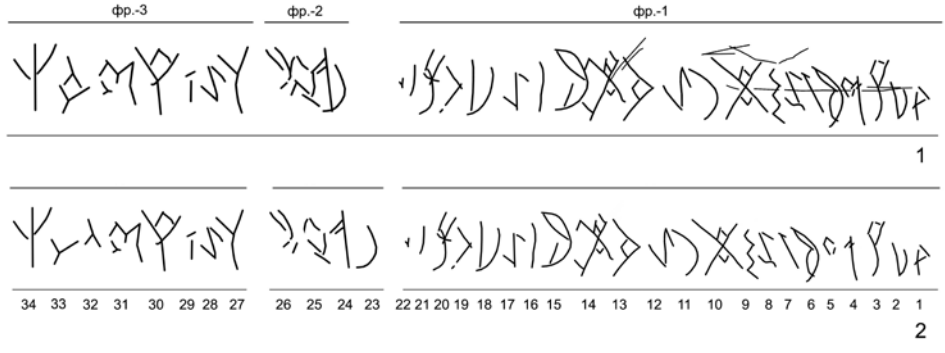


Рис. 5. Развернутая прорисовка надписи: 1 – факсимильная прорисовка, 2- прорисовка с разбивкой по знакам.

ТАБЛИЦА

соответствия рун эсхаровской находки со знаками степных рунических алфавитов евразийской и азиатской групп: донской (Д), кубанский (К), южно-енисейский (Ю), ачикташский (А), исфаринский (И), енисейский (Е), орхонский (О), таласский (Т)

(по Кызласов И.Л., 1994, табл. XXIII)

№ знака (Эсхар)	изображение знака	№ знака (Кызласов)	ЕВРАЗИЙСКИЕ					АЗИАТСКИЕ		
			Д	К	Ю	А	И	Е	О	Т
1		?								
2		36 ?								
3		50								
4		41								
5		28								
6		10 ?								
7		47								
8		43								
9		11								
10		2								
11		42								
12		43								
13		33								

Рис. 6 (а). Таблица соответствия рун на пластине из Эсхара известным тюркским руническим алфавитам Евразии.

ТАБЛИЦА (продолжение)

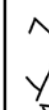
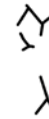
№ знака (Эсхар)	изображение знака	№ знака (Кызласов)	ЕВРАЗИЙСКИЕ Д	К	Ю	А	И	АЗИАТСКИЕ Е	О	Т
14		2 38 53	 		 	 				 
15		10 ?								
16		45								
17		43								
18		36 ?								
19		40								
20		50								
21		45								
22		?								
23		42								
24		41								
25		28								
26		68 ?								

Рис. 6 (б). Таблица соответствия рун на пластине из Эсхара известным тюркским руническим алфавитам Евразии.

ТАБЛИЦА (продолжение)

№ знака (Эсхар)	изображение знака	№ знака (Кызласов)	ЕВРАЗИЙСКИЕ Д	К	Ю	А	И	АЗИАТСКИЕ Е	О	Т
27		34								
28		43								
29		44								
30		5								
31		? (32)								
32		30								
33		34								
34		3								

Всего идентиф. знаков	26	24	21	19	14	13	22/17	21/16	22/17
%	100	92,3	80,1	73,1	53,8	50	84,6 / 65,4	80,1 / 61,5	84,6 / 65,4

Рис. 6 (в). Таблица соответствия рун на пластине из Эсхара известным тюркским руническим алфавитам Евразии.

Кроме нечитаемого 22-го знака (рис. 5: 2), в эсхаровской надписи есть еще несколько не определяемых пока знака, которые не вписываются ни в один из известных на сегодня тюркских рунических алфавитов или соотносятся условно (рис. 5: 2, таблица).

Первый знак надписи – «флажок вправо» – не известен ни в одном тюркском руническом алфавите (Кызласов, 1994, с. 69–72, табл. XXIII). В азиатском ареале тюркского рунического письма он встречен лишь однажды (Васильев, 1983, с. 148. табл. 36, ряд 1, знак 5). Он не известен и среди средневековых надписей на Кавказе (Турчанинов, 1971, табл. XXXI–XXXIII).

Знаки № 2 и 18 представляют собою прямую линию и дугу справа, не сомкнутую вверху. Нам представляется, что эти руны по своему начертанию близки к знаку № 36 известных рунических алфавитов. Он присущ практически всем системам письма, за исключением исфаринской (Кызласов, 1994, с. 70, табл. XXIII).

Следующая пара знаков, близких по начертанию, № 6 и 15 – «дуга вправо и две дуги (?) влево» – имеют отдаленное графическое сходство со знаком № 10 таких евразийских рунических алфавитов, как кубанский, южноенисейский и ачикташский (Кызласов, 1994, с. 69, табл. XXIII). Возможно, что написание этого знака на металлической пластине не позволило автору сделать острым предметом по твердому материалу округлые линии и начертание руны выполнено схематично. Не исключено, что рассматриваемые знаки нашей находки являются аллографом упомянутой руны № 10 степных рунических алфавитов.

Знак № 26 эсхаровской находки малопонятен, в самых общих чертах он отдаленно напоминает руну № 68 азиатских алфавитов (Кызласов, 1994, с. 72, табл. XXIII).

Знак № 31 своей ломаной линией с тремя углами можно было бы отождествить с широко распространенной в известных тюркских алфавитах руной № 32, но мешают несколько обстоятельств – короткая линия-отросток от центрального угла и более длинная линия-отросток на краю. Кроме того, рядом со знаком с противоположной от длинного отростка стороны четко прослеживается знак в виде угла из двух непрямых расходящихся лучей. Такое значительное отличие не позволяет нам признать данный знак эсхаровской находки аллографом руны № 32. Не исключено, что здесь мы имеем дело с новым руническим знаком (или даже двумя).

Таким образом, имеющиеся данные – место находки, следы погребального обряда и начертания знаков – свидетельствуют в пользу того, что данный текст относится к донской разновидности тюркского рунического алфавита.[5] Надеемся, что публикация и предварительный анализ этой интересной находки с наиболее длинной надписью на предмете с территории салтовской лесостепи вызовет интерес специалистов и займет свое место в корпусе рунических надписей народов евразийских степей и их соседей. Датировка этой неординарной находки определяется рамками существования салтовских лесостепных древностей на Северском Донце – середина VIII – IX вв. н.э.

5 Считаем возможным высказать еще одну осторожную мысль. Изначально грабители, явно пользуясь металлодетектором, полностью забрав все целые изделия из погребения, не взяли (выбросили) куски зеркала, которые не представляли коллекционного или товарного интереса. Эти обстоятельства впоследствии и способствовали находке этих обломков, которые были выявлены разными людьми и в разное время после тщательных обследований территории вокруг комплекса. Надпись была выявлена случайно (после очистки предмета). Из этого напрашивается вывод, что предмет в комплексе находился не целым, а в виде обломка (обломков). Следовательно, ценностью для создателей комплекса была сама надпись.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арендарь А.П., Мельтникова Е.А.* Граффити на восточных монетах из собрания Черниговского исторического музея им. В. Тарновского // Матеріали історико-археологічного семінару. – Чернігів: Сівернська думка, 1995. – С. 15–17.

2. *Васильев Д.Д.* Графический фонд памятников тюркской рунической письменности азиатского ареала (опыт систематизации). – М.: Наука, 1983. – 146 с.

3. *Горбаненко С.А., Колода В.В.* Сільське господарство на слов'яно-хозарському порубіжжі. – Київ.: Інститут археології НАН України, 2013. – 236 с.

4. *Добровольский И.Г., Дубов И.В., Кузьменко Ю.К.* Граффити на восточных монетах: Древняя Русь и сопредельные страны. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1991. – 192 с.

5. *Колода В.В., Лебедев В.П., Енуков В.В.* Безлюдовский клад и его место в денежной системе Северской земли // Безлюдовский клад X в.: материалы и исследования. Серия «Археология евразийских степей». – Вып. 18. – Казань: Отечество, 2014. – С. 6–160.

6. *Кызласов И.Л.* Рунические письменности евразийских степей. – М.: Восточная литература РАН, 1994. – 327 с.

7. *Кызласов Л.Р.* Новая датировка памятников енисейской письменности // СА. – 1960. – № 3. – С. 93–120.

8. *Кызласов Л.Р.* О датировке памятников енисейской письменности // СА. – 1965. – № 3. – С. 38–49.

9. *Мельникова Е.А., Никитин А.Б., Фомин А.В.* Граффити на куфических монетах Петергофского клада начала IX в. // Древнейшие государства на территории СССР. 1982 год. – М.: Наука, 1984. – С. 26–47.

10. *Нахапетян В.Е., Фомин А.В.* Граффити на куфических монетах, обращавшихся в Европе в IX–X вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1991 год. – М.: Наука, 1994. – С. 139–208.

11. *Свистун Г.Е.* Чугуевское «гнездо поселений» салтово-маяцкой культуры // Археологическое изучение Центральной России. Тез. докл. науч. конф. – Липецк: Липецкий гос. пед. ун-т, 2006. – С. 281–285.

12. *Свистун Г.Е.* Кабаново (Старопокровсакое) городище // Салтово-маяцька культура: проблеми та дослідження. Вип. 3. – Харків: ОКЗ «Харківський науково-методичний центр охорони культурної спадщини», 2013. – С. 107–117.

13. *Турчанинов Г.Ф.* Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. – Л.: Наука, 1971. – 120 с.

Информация об авторе:

Колода Владимир Васильевич, кандидат исторических наук, доцент, заведующий археологической лабораторией, Харьковский национальный педагогический университет им. Г.С. Сковороды (г. Харьков, Украина); koloda_v@mail.ru; koloda_v@rambler.ru

TURKIC RUNIC INSCRIPTION FROM FOREST-STEPPE KHAZARIA

V.V. Koloda

The work is dedicated to the runic inscription that was made on a non-iron metal disk in graffito technique. It was found in destroyed cremated burial at Eskhar village in Zmiiv region in Kharkiv oblast. The inscription contains 34 signs. Most of them concern Don variant of medieval Turkic alphabet of Eurasian steppes. This inscription dates from the Saltov archaeological culture in the forest-steppe zone of the Severski Donets (the mid. VIII–IX cent. AD).

Keywords: Eurasian steppe, Severski Donets, early Middle Ages, the Saltov archaeological culture, Turkic runes

REFERENCES

1. Arendar' A.P., Mel'tnikova E.A. Graffiti na vostochnykh monetakh iz sobraniya Chernigovskogo istoricheskogo muzeya im. V. Tarnovskogo [Graffito on oriental coins from the collection of Chernihiv historic museum named after V. Taranovsky]. *In*: *Materiali istoriko-arkheologichnogo seminaru.* [*Materials of historic and archaeological meterials*]. Chernihiv: Siverns'ka dumka Publ., 1995, pp. 15–17.

2. Vasil'ev D.D. Graficheskiy fond pamyatnikov tyurkskoy runicheskoy pis'mennosti aziatskogo areala (opyt sistematizatsii) [Graphic fund of significant sites of Nurkic runic script of Asian area (systematization experience)]. Moscow: Nauka Publ., 1983, 146 p.

3. Gorbanenko S.A., Koloda V.V. Sil's'ke gospodarstvo na slov'yano-khozars'komu porubizhzhi [Agriculture in Slav-Khazar borderzone]. Kiev: Archaeological Institute of National Academy of Sciences Publ., 2013, 236 p.

4. Dobrovol'skiy I.G., Dubov I.V., Kuz'menko Yu.K. Graffiti na vostochnykh monetakh: Drevnyaya Rus' i sopredel'nye strany [Graffito on Oriental Coins: Ancient Rus and adjoining countries]. Leningrad: Leningrad University Publ., 1991, 192 p.

5. Koloda V.V., Lebedev V.P., Enukov V.V. Bezlyudovskiy klad i ego mesto v denezhnoy sisteme Severskoy zemli [Buried treasure from Bezlyudovka and its role in monetary system of the Northerners' land]. *In*: *Bezlyudovskiy klad X v.*: *materialy i issledovaniya. Sbornik nauchnykh statey. Seriya "Arkheologiya evraziyskikh stepey"* [*Buried treasure from Bezlyudovka*: *materials and researches. Collected scientific works. "Archaeology of Eurasian Steppes" issue*]. Kazan: Otechestvo Publ., 2014, no. 18, pp. 6–160.

6. Kyzlasov I.L. Runicheskie pis'mennosti evraziyskikh stepey [Runic scripts of Eurasian steppes]. Moscow: Oriental literature of Science Academy of Russia Publ., 1994, 327 p.

7. Kyzlasov L.R. Novaya datirovka pamyatnikov eniseyskoy pis'mennosti [New dating the monuments of the Yenisei scripts]. *In*: *Sovetskaya Arkheologiya* [*Soviet Archaeology*], 1960, no. 3, pp. 93–120.

8. Kyzlasov L.R. O datirovke pamyatnikov eniseyskoy pis'mennosti [On dating the monuments of the Yenisei scripts]. *In*: *Sovetskaya Arkheologiya* [*Soviet Archaeology*], 1965, no. 3, pp. 38–49.

9. Mel'nikova E.A., Nikitin A.B., Fomin A.V. Graffiti na kuficheskikh monetakh Petergofskogo klada nachala IX v. [Graffito on Kufic coins of Peterhof treasure of the beg. IX century AD]. *In*: *Drevneyshie gosudarstva na territorii SSSR. 1982 god.* [*Ancient States on USSR territory. 1982*]. Moscow: Nauka Publ., 1984, pp. 24– 47.

10. Nakhapetyan V.E., Fomin A.V. Graffiti na kuficheskikh monetakh, obrashchavshikhsya v Evrope v IX–X vv. [Graffito on Kufic coins that were circulated in Europe in IX–X cent.]. *In*: *Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy. 1991 god* [*Ancient States of Eastern Europe. 1991*]. Moscow: Nauka Publ., 1994, pp. 139–208.

11. Svistun G.E. Chuguevskoe "gnezdo poseleniy" saltovo-mayatskoy kul'tury [Saltovo-Mayatsk settlement "nest" in Chuhuiv]. *In*: *Arkheologicheskoe izuchenie Tsentral'noy Rossii. Tez. dokl. nauch. konf.* [*Archaeological research of Central Russia. Scientific conference abstracts*], Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical University Publ., 2006, pp. 281–285.

12. Svistun G.E. Kabanovo (Staropokrovsakoe) gorodishche [Kabanovo (Staropokrovske) site]. *In*: *Saltovo-mayats'ka kul'tura*: *problemi ta doslidzhennya* [*Saltov-Mayatsk culture*: *problems and researches*]. Kharkiv: Kharkiv scientific methodic center of cultural heritage protection Publ., 2013, issue 3, pp. 107–117.

13. Turchaninov G.F. Pamyatniki pis'ma i yazyka narodov Kavkaza i Vostochnoy Evropy [Ancient manuscripts of Caucasus and East Europe ethnic groups]. Leningrad: Nauka Publ., 1971, 120 p.

Information about the author:

Koloda Vladimir V., Ph.D. (History), docent, Head of Archaeology laboratory, Kharkiv National Pedagogical University (Kharkiv, Ukraine); koloda_v@mail.ru; koloda_v@rambler.ru